

Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация в государственном управлении

Базаркина Д. Ю.

Противодействие терроризму посредством коммуникаций: обобщение европейского опыта

Противодействие терроризму посредством коммуникаций: основные понятия и проблемы. Если определить коммуникацию как обмен информацией между двумя или более индивидами или группами, то коммуникационный аспект террористической деятельности можно описать как процесс обмена информацией между террористической организацией и ее внутренней (члены организации, возможно, находящиеся в других районах, городах или даже странах) и внешней аудиториями. К внешним аудиториям террористов можно отнести государственные власти, силовые структуры, представителей СМИ и общественных организаций, а также среди прочих – потенциальных новых террористов и сторонников. В качестве средства передачи сообщений террористы используют сами теракты (благодаря резонансу в СМИ), рассылки коммюнике в редакции, работу в социальных сетях и на интернет-форумах, свои собственные интернет-сайты и многое другое. Все эти меры включаются в коммуникационную стратегию, конечная цель которой может состоять в изменении государственного законодательства, смещении политического лидера или принуждении властей к принятию иных выгодных для террористов решений. Разумеется, антитеррористические структуры для минимизации влияния террористов в информационном пространстве также должны использовать и уже широко используют различные способы передачи информации (типичный пример — широкая публикация материалов по борьбе с терроризмом в интернете).

Меры информационного и коммуникационного противодействия терроризму можно условно разделить на две основные группы:

1. Кризисные коммуникации, осуществляющиеся непосредственно в ситуации террористической атаки.
2. Превентивная информационно-коммуникационная активность антитеррористических структур.

Одной из проблем коммуникационного противодействия терроризму сегодня, пожалуй, можно назвать противоречие сообщений верховной и местной государственной власти. Хрестоматийным примером является ситуация 11 сентября

2001 года. Действия мэра Нью-Йорка Рудольфа Джулиани, в том числе и его меры кризисной коммуникации, оцениваются экспертами как эффективные и адекватные¹, однако их эффективность сводится на «нет» агрессивным высказыванием Дж. Буша-младшего о крестовом походе против исламского мира². В Европе положительный пример коммуникаций правительства Т. Блэра после теракта в Лондоне 7 июля 2005 года нивелируется неоднозначным, а порой откровенно эпатирующим поведением высших представителей английской элиты, например, появлением принца Гарри в карнавальном костюме — подобии формы Африканского корпуса вермахта со свастикой на рукаве³ (даже если учесть, что теракт произошел позже, подобные действия персон, являющихся постоянным объектом повышенного внимания прессы, могут провоцировать всплески национальной и религиозной вражды).

В обоих случаях более негативное сообщение исходит от представителя более высокого уровня власти (в глазах общественности), следовательно, негативное сообщение пользуется большим вниманием. Это приводит и к падению репутации, и к более ощутимому ущербу, как в случае принца Гарри, которого боевики Афганистана объявили своей мишенью № 1, и его присутствие на фронте стало дополнительной причиной нападения боевиков на военную базу «*Camp Bastion*» в южной афганской провинции Гельменд⁴.

Актуальной задачей остается выведение дискуссии по проблеме терроризма из «национального» или «религиозного» русла. Так, несмотря на активную информационную работу ведомства по охране Конституции ФРГ, на обилие материалов, в которых порицается как «религиозный» терроризм, так и неонацизм, «этнорелигиозный» дискурс проблемы тесно связывает ее с вопросом взаимоотношений коренного европейского населения и мигрантов в целом. Усиливают напряженность и недопустимые ситуации, подобные столкновениям неонацистов с мусульманами, произошедшим в августе 2012 года, когда Высший административный суд федеральных земель ФРГ Берлина и Бранденбурга разрешил ультраправой

¹ См.: Улмер Р., Селлнау Т., Сиджер М. Эффективная кризисная коммуникация. Харьков, 2011.

² См.: Шаклеина Т.А. Новый «крестовый поход» республиканцев: как появилась доктрина Буша // Международные процессы. URL: www.intertrends.ru/three/017.htm (08.06.2013).

³ Harry says sorry for Nazi costume. Prince Harry has apologised for wearing a swastika armband to a friend's fancy dress party. // BBC News. 13.01.2005. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/4170083.stm (08.06.2013).

⁴ Боевики пытались убить принца Гарри // ДНИ.РУ. 16.09.2012. URL: www.dni.ru/incidents/2012/9/16/240555.html (08.06.2013).

организации использовать в своей акции карикатуры на пророка Мухаммеда⁵.

Такие примеры заставляют задуматься о необходимости повышения уровня согласованности, а также этичности сообщений, транслируемых представителями высшей власти. По словам руководителя Центра коммуникационного менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) Е.Н. Пашенцева, именно проблема концентрации усилий государственных и негосударственных структур на важном направлении остается актуальной и в выработке антитеррористической коммуникационной стратегии⁶.

Создание алгоритмов антитеррористической борьбы требует глубокого понимания психологии терроризма и тенденций его развития. Интересной представляется точка зрения исследователя Г. Робинсона, который выделяет четыре основные тенденции развития информационной деятельности «религиозных» террористов. **Во-первых**, по мнению исследователя, существуют четкие границы влияния информационной стратегии «Аль-Каиды»: «Аль-Каида» вынуждена ограничивать свои информационные операции, сосредоточившись в своих сообщениях почти исключительно на неправомерности американской внешней политики и соучастия отступнических ближневосточных режимов Соединенным Штатам. Этим двум... темам посвящено более 90% всех публичных заявлений У. бен Ладена. «Аль-Каиде» будет крайне трудно отказаться от этих основных тем», — считает Г. Робинсон⁷. Данное утверждение можно назвать только частично справедливым в отношении Европы, так как исследование показало, что на аудиторию потенциальных местных террористов «религиозного» направления террористические организации транслируют сообщения, призывающие к активным действиям внутри своих стран проживания, зачастую даже отходя от темы агрессии США и призывая сопротивляться местным властям как ограничивающим права всех мусульман внутри страны⁸. Поэтому рассчитывать на скорое затухание коммуникационной активности «Аль-Каиды» в ближайшем будущем не приходится, и требуется новая коммуникационная стратегия, при которой терроризм не ассоциировался бы в массовом сознании с религиозными, этническими и другими ценностями, которыми манипулируют авторы

⁵ В Германии разрешили карикатуры Мухаммеда. // ДНИ.РУ. 17.08.2012. URL: www.dni.ru/society/2012/8/17/239067.html (08.06.2013).

⁶ Pashentsev E.N. The Strategic Communication of Russia in Latin America Under the Global Crisis. Paper presented at the Central and East European Studies Association (CEEISA) 9th Convention. Jagiellonian University, Krakow, Poland. 21 September 2012.

⁷ Robinson G.E. Jihadi Information Strategy // Information Strategy and Warfare: A Guide to Theory and Practice / ed. by J. Arquilla, D. A. Borer. New York, 2007. P. 110.

⁸ Ibidem.

террористической пропаганды. Однако такая стратегия должна учитывать психологические и культурные особенности восприятия сообщений различными группами граждан в рамках целевой аудитории.

Во-вторых, по мнению Г. Робинсона, «на тактическом уровне очень немногие американские планирующие органы могут оказывать влияние на общественное мнение в исламских странах». Исследователь согласен с точкой зрения, что проблемы США на мусульманском Востоке являются не имиджевыми, а более глубокими, политическими⁹. Это подтверждают события «арабской весны», в ходе которых странам Запада, прежде всего в силу агрессивности своей внешней политики, не удалось укрепить свое влияние в Египте. Негативное отношение к США закономерно распространяется на их союзников — европейские страны, в особенности на Великобританию, которая первой включилась в «войну с террором». Возможным выходом для стран Запада, в частности, для ЕС, мог бы стать пересмотр концепции стратегической коммуникации, в результате которого политика ЕС стала бы в меньшей степени ассоциироваться с агрессивным курсом США. Заметим, что без тщательной «синхронизации слов и дела», на прежних политических основаниях пересмотр стратегической коммуникации также был бы малоэффективным¹⁰.

Многие специалисты в области коммуникации отмечают, что «информационная революция» приносит выгоды негосударственным акторам. В предыдущие десятилетия информационное пространство, как в мусульманских обществах, так и во многих странах Запада, полностью или частично находилось под контролем крупных концернов или государства с его аппаратом цензуры и монополией государственного телевидения, радио и печатных СМИ (можно сравнить с монополизацией прессы в ФРГ в 1970-е годы, что помогало не только бороться с ультралевым терроризмом, но и, к сожалению, более эффективно вести пропаганду холодной войны). Способность негосударственных и некоммерческих институтов преодолевать или обходить эту информационную монополию была чрезвычайно ограничена, однако теперь это уже не так. Террористические организации прошлого общались с аудиторией преимущественно путем распространения листовок, фото- и видеозаписей, коммюнике, большое количество которых рассылалось в редакции различных СМИ. Это не только позволяло частично подвергать тексты террористов цензуре, но и не обеспечивало глобального информационного охвата для организации. Нужно отметить, что террористы

⁹ Ibid. P. 111.

¹⁰ Пашенцев Е.Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация. М., 2012. С. 65.

«Национал-социалистического подполья» в ФРГ вплоть до самого конца террористической деятельности не прибегали к распространению сообщений через интернет, именно поэтому ультраправый терроризм долгое время не получал такой известности, как «религиозный», коммуникации которого поддерживаются, по всей вероятности, более мощными финансовыми группами. Однако случай А. Брейвика в корне изменил представления о возможностях всех видов политического терроризма, и это может иметь самые негативные последствия. Специалисты отмечают, что быстрый рост количества станций спутникового телевидения и офшорного радио, распространение видеомэгнитофонов, затем видеокамер в сотовых телефонах, записи с которых использует даже «Глобальный исламский медиафронт», стремительный рост возможностей подключения к интернету и рассылки электронной почты только за прошлое десятилетие привели к тому, что, негосударственные акторы смогли конкурировать в коммуникационном пространстве с государственными структурами и представлять свою точку зрения на происходящее¹¹. «Аль-Каида» сполна воспользовалась преимуществами «информационной революции», и, вероятно, долгое время будет в состоянии продолжать транслировать свои сообщения.

Основные подходы к коммуникационному обеспечению террористической деятельности: кризисные коммуникации и превентивные стратегии. Кризисные коммуникации, в том числе в случаях терактов, по мнению Р. Улмера, Т. Селлнау и М. Сиджера, должны быть направлены главным образом на преодоление неопределенности. Они выделяют десять основных правил управления неопределенностью в случае террористической атаки¹², но подобные инструкции функциональны прежде всего при наличии тщательно разработанной коммуникационной стратегии и достаточно высоких имиджа и репутации государственных структур. В то же время можно отметить, что новые требования к коммуникационным стратегиям предполагают более тесное сотрудничество специалистов по связям с общественностью и аналитиков, исследователей, что означает, по сути, признание важной роли интегрированного в систему государственных структур коммуникационного менеджмента.

Полезным при разработке алгоритмов коммуникационной борьбы с терроризмом, на наш взгляд, может стать подход специалистов Национального центра изучения и обучения кризисному управлению «Крисмарт» Колледжа обороны

¹¹ *Robinson G.E.* Op. cit. P. 111.

¹² *Улмер Р., Селлнау Т., Сиджер М.* Указ. соч. С. 153–154.

Швеции, согласно которому все более актуальным в последние годы станет менеджмент знаний (*Knowledge management*). Посвященная этому новая отрасль исследований — «управление знаниями» — ведет начало из традиционной теории управления и методологии обучения менеджменту. Фактически, как признает специалист центра «Крисмарт» М. Кореус, «те же самые теории обучения организационному управлению стали основой для новых знаний по посткризисному обучению как раздела кризисного управления»¹³.

Кризисное управление тесно связано с коммуникационным процессом, и разработчики концепции управления знаниями считают, что особенно важно описание кризисного управления как совокупности пяти критических задач, которые должны быть выполнены, чтобы минимизировать последствия инцидента прежде, чем ситуация выйдет из-под контроля: конструирование значений, принятие решения, конструирование содержания, завершение кризиса, изучение его последствий с использованием приобретенного опыта на практике.

1. **Конструирование значений** — задача идентификации кризиса, которую предпочтительно решить еще до его наступления, но в реальности это происходит на ранних стадиях. В области противодействия терроризму можно выделить две основные меры: сбор и анализ разведанных и разработку основных сообщений, транслируемых как в ситуации теракта, так и в «мирное время».

2. **Принятие решения.** «По аналогии [с первым этапом], задача принятия решения относится более к мерам, облегчающим процесс коммуникации и внедрение рекомендаций, позволяющих принять в дальнейшем правильное решение. В основном речь идет также о превентивных мерах»¹⁴. В соответствии с данной методологией, решением задачи можно считать начало трансляции официальной точки зрения на проблему терроризма. Слабость этого подхода, на наш взгляд, состоит в том, что терроризм подается как ответвление леворадикального, праворадикального или религиозного политических течений. Это необоснованно повышает нематериальные активы террористической организации (к примеру, неправомерное рассмотрение пропаганды ультралевых как прямого следствия распространения идей Розы Люксембург).

3. **Конструирование содержания.** Конструирование содержания и завершение кризиса отличаются от предыдущих двух задач тем, что они «сосредотачиваются больше на активных, продолжительных практических мерах, предпринимаемых уже

¹³ *Koraeus M.* Who Knows? The Use of Knowledge Management in Crisis. Elanders, Vällingby, 2008. P. 15.

¹⁴ *Ibid.* P. 23.

непосредственно в ходе кризиса». Основной целью конструирования содержания ситуации, то есть, по сути, разработки и трансляции сообщений, адекватных именно данному кризису, М. Кореус называет получение поддержки организации со стороны общественности или представителей политических элит. Это во многом облегчает признание собственной ответственности за кризис и действия по выходу из него. «Завоевание доверия в кризисной ситуации должно рассматриваться как приоритетное направление конструирования содержания», — пишет Кореус. Заметим, что при решении этой задачи и стоит запускать механизм кризисной коммуникации, предложенный Р. Улмером, Т. Селлнау и М. Сиджером (выступление с непротиворечивой оценкой кризиса, налаживание контактов с группами общественности, затронутыми кризисом, затем — постепенное снижение неопределенности параллельно с координацией практических действий по минимизации кризиса). Негативным примером конструирования содержания можно назвать коммуникацию испанских властей и политических партий после терактов в Мадриде 11 марта 2004 года¹⁵.

4. Завершение кризиса. На данном этапе завершения кризиса предлагается проверить все риски, которые могут привести к развитию новой кризисной ситуации на основе нынешней. Также формулируются новые положения об ответственности за кризис: они могут использоваться в будущем. К примеру, обсуждается вопрос о том, как избежать формулировки сообщений, усугубляющих вину организации в глазах общественности. Рассматриваются способы ускорения кризисной коммуникации, обеспечения более высокого уровня безопасности, преодоления в будущем негативных побочных эффектов тех или иных коммуникационных стратегий. В данном вопросе специалисты по менеджменту знаний рекомендуют опираться прежде всего на разработки в области политической психологии.

5. Изучение последствий кризиса и изменения в стратегии в соответствии с его уроками. Основной проблемой при решении этой задачи считают фактическую противоположность усилий по отношению к самому процессу антикризисного управления. «Задача кризисного управления состоит в том, чтобы вернуть положение вещей к докризисному состоянию, тогда как задача реформирования стратегии [может подразумевать радикальные] изменения»¹⁶. Чтобы эффективно определять степень необходимости реформ, специалисты по менеджменту знаний, как и специалисты по

¹⁵ См., например: *The Handbook of Crisis Communication* / ed. by W.T. Coombs and S.J. Holladay. Southern Gate, UK, 2010.

¹⁶ *Koraeus M.* Op. cit. P. 25.

политической психологии, рекомендуют наладить непрерывную систематическую оценку текущей ситуации и связанных с ней рисков, что означает введение на постоянной основе отдела коммуникационного менеджмента, способного оптимизировать саму систему управления организацией¹⁷.

Полезным может считаться европейский опыт борьбы с терроризмом в интернете. Антитеррористические структуры поняли преимущества интернет-коммуникации и стали разрабатывать собственные стратегии в этой области. В Великобритании подразделение по исследованиям информации и коммуникации (*RICU*), действующее в составе министерства внутренних дел, составило отчет «Бросая вызов экстремистской идеологии насилия в коммуникационном пространстве», где выступило с инициативой реализации двухкомпонентной стратегии: распространение сообщений, направленных против «Аль-Каиды», через добровольцев на интернет-форумах и обеспечение «Би-би-си» и других крупных СМИ во всем мире пропагандистскими материалами, направленными на снижение имиджа и репутации «Аль-Каиды». Как полагают эксперты *RICU*, это должно привести к преодолению влияния «нарратива «Аль-Каиды», который «содержит в себе факты, вымысел, эмоции и религию и управляет протестами, вызванными как локальными, так и международными проблемами. Этот нарратив прост, гибок и способен приспосабливаться к самым разным условиям. Он может удовлетворять местным [региональным] условиям, а также осуществлять непропорциональное воздействие на понимание и интерпретацию локальных или глобальных событий». Выстраивание контрнарратива, как сообщается в отчете *RICU*, снизило бы способность террористов манипулировать социальными требованиями и протестами в различных сообществах, на поддержку которых опираются «Аль-Каида» и подобные ей группы. По словам авторов отчета, «цель состоит не в том, чтобы отвергнуть [справедливые] претензии [протестующих], а в подрыве лидерских позиций «Аль-Каиды» и дискредитации ее насильственных методов»¹⁸.

Британская стратегия, по мнению исследователей интернет-коммуникации террористических групп Ф. Сеиба и Д. Дженбек, отражает признание органами планирования контртеррористической деятельности того, что новые и традиционные медиаплатформы должны использоваться в свободных сочетаниях, что многократно повысило бы эффективность их использования. Подчеркивается, что, так как

¹⁷ Ibid. P. 23–25.

¹⁸ *Seib Ph., Janbek D.M.* Global Terrorism and New Media. The Post-Al Qaeda Generation. Abingdon, 2010. P. 110.

коммуникационная стратегия должна быть наступательной, это сможет ограничить возможности террористических организаций при пополнении их социальной и членской базы. Также целью стратегии провозглашается провоцирование террористических лидеров, подобных А. аль-Завахири, на открытую дискуссию, что должно, по крайней мере, дать аналитикам по борьбе с терроризмом шанс получить информацию о действиях врага¹⁹.

Некоторые страны ЕС, например, ФРГ, все еще не имеют юридического определения терроризма, в то время как другие, в частности, Испания, не имеют развитых антитеррористических законов, рассматривая терроризм, лишь в качестве тяжелой формы преступности. Однако в этих странах провозглашаются различные инициативы по определению террористической угрозы и противодействию ей. Основной проблемой и при определении правовых рамок, и при разработке коммуникационной стратегии является соблюдение прав человека, таких как свобода слова, и одновременное введение ограничений для распространения террористической пропаганды. Так, в первом отчете Объединенного комитета по правам человека в Британском парламенте (2007) говорится о необходимости создания новых правовых норм для новых преступлений — публичных провокаций, направленных на активизацию терроризма²⁰.

Другая сторона проблемы публичного дискурса терроризма состоит в недостаточном понимании ее опасности в научном сообществе. Как замечает М. МакКинли, преподаватель кафедры международных отношений и стратегического планирования Австралийского национального университета, кризис переживает сама сфера преподавания общественных наук, в рамках которых проблема терроризма преподносится излишне теоретично. Исследователь указывает, что по мере формирования западной научной школы, которая изначально провозглашала приоритетными демократические ценности, свободу подходов к проблеме исследования, свободу дискуссий в поиске научной истины, неолиберальные преобразования все больше и больше затрагивали университетскую среду. В ситуации государственного контроля множество ученых оказалось заложником ситуации «публикуйся или погибни» — зависимости научной карьеры от соблюдения формальных критериев успешности ученого. В то же время политическая конъюнктура, определяющая содержание многих изданий, в том числе и академических, привела к

¹⁹ *Seib Ph., Janbek D. M.* Op. cit. P. 110–111.

²⁰ *Crelinsten R.* Counterterrorism. Cambridge, 2009. P. 54.

тому, что, приспосабливаясь к требованиям, исследователи все чаще были вынуждены поступаться свободой в своих рассуждениях и подстраиваться под официальный курс, провозглашаемый властями. По мнению М. МакКинли, этот процесс отражается на студентах в еще большей мере, чем на самих преподавателях, многие из которых еще могут сравнить реалии до и после неолиберальных трансформаций в университете и пытаться проводить «еретические» суждения, хотя часто в видоизмененной форме. Специалист также указывает на то, что бывшие ученые, как и ученые, находящиеся в начале своей карьеры, не имеют научного веса, количество ссылок на их труды мало, и это делает их неспособными критиковать новые негативные тенденции, «не боясь ничего». М. МакКинли приводит слова исследователя системы образования М. Эдмундсона: «Чего они вообще не делают, так это не высказывают претензий к существующей системе. Они не имеют привычки говорить о том, как острые необходимости капитализма приводят к сохранению армии безработных и почти неизбежному страданию. Это было бы слишком громко, слишком смело. Их взгляды пронизаны влиянием хладнокровного потребления, где страсть и сильные чувства находятся под запретом»²¹, что определяет, по мнению М. МакКинли, декларируемое отношение к проблеме терроризма, когда экономическая и политическая основа насилия подается в смягченных выражениях и делает студентов более терпимыми к этому явлению²².

В другом своем докладе М. МакКинли выделяет не менее серьезную проблему, напрямую влияющую на коммуникационные стратегии борьбы с терроризмом, — проблему неэффективного использования информации. По мнению специалиста, современная политическая система стран Запада основана на договоренности: национальным дискурсам и концепциям войны нужно давать первенство при обсуждении военных конфликтов, так как именно они позволяют создать «знание, управляемое законом»: «Определенные тексты «избираются» для распространения, чтобы легитимизировать те доминирующие, «привилегированные значения», из которых конструируется прозрачная, непосредственно [воспринимаемая аудиторией] историческая действительность, когда они неизбежно трансформируют ее»²³.

²¹ Цит. по: *McKinley M. Filtering IR: What Students Should Be Taught at University and Why it Won't Be — The Case of International Terrorism. Paper presented at the Central and East European Studies Association (CEEISA) 9th Convention. Jagiellonian University, Krakow, Poland. 21 September 2012. P. 78.*

²² *Ibid.* P. 77–78.

²³ *McKinley M. Explaining the Rejection of Data and Intelligence in the Information Age: The Case for Aquinas' Ignorantia Affectata (Cultivated Ignorance). Paper presented to the Panel WD 53 Information Availability as Surplus Data, Noise, and 'Junk DNA': Accounting for Its Denials and Acceptance. 53rd Annual*

Таким образом, проблема безопасности неизбежно становится проблемой человеческого мировоззрения, которое формируется под влиянием социальных, политических, экономических факторов. Акценты в средствах массовой информации на одних аспектах проблемы (культурном, религиозном и т. п.) и умалчивание других, более фундаментальных для достижения безопасности — экономических и политических — делает самые разные стратегии борьбы с терроризмом, развивающиеся в отрыве от решения базовых проблем, неэффективными.

Проблема комплексного подхода к борьбе с терроризмом путем проведения психологических операций рассматривалась как в нашей стране, так и на Западе. В частности, полезной при осмыслении эффективности коммуникационного менеджмента в борьбе с терроризмом может стать разработка Центра по борьбе с терроризмом американской военной академии Вест-Пойнт²⁴. Авторы данного труда рекомендуют для проведения психологических операций такие действия, как «разрушение контроля над проведением террористических операций и ограничение их финансовой поддержки; ограничение скрытой помощи деятельности террористам от социального окружения; акцент на активности других групп, которые не поддерживают террористическую борьбу; ... попытки заставить идеологический авангард терроризма [публично] разбираться в своих проблемах; приведение в замешательство, уничтожение (и даже оскорбление), деморализация руководителей террористических организаций; подрыв власти старших руководителей»²⁵ и т. п.

В заключение можно отметить, что при построении любого алгоритма коммуникационного противодействия терроризму следует начинать с наращивания нематериальных активов антитеррористических структур и государственных властей в целом. Коммуникационный менеджмент должен при этом быть комплексным, глубоко интегрированным в систему государственных структур и, прежде всего, отвечать на вопрос: на какую целевую аудиторию должно быть рассчитано сообщение? Здесь стоит согласиться с В.К. Белозеровым: «Очевидно, что любые разовые акции, пусть даже масштабные, транслируемые на популярных телеканалах, обладающие внешним эффектом, не будучи подчиненными общему замыслу, согласованными по месту и

Convention. The International Studies Association. San Diego, California, USA, 4 April 2012. P. 36.

²⁴ См.: Harmony and Disharmony. Exploiting al-Qa'ida's Organizational Vulnerabilities. Combating Terrorism Center, Department of Social Sciences, United States Military Academy. February 14, 2006.

²⁵ Цит. по: *Соснин В.А.* Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М., 2012. С. 176–177.

времени, встроенными в целостную систему, не будут работать на желаемый конечный результат, который для начала предстоит еще осознать и сформулировать»²⁶. Эта проблема актуальна в ЕС и в нашей стране, и ее глобальный масштаб должен стать стимулом для укрепления взаимовыгодного сотрудничества силовых структур.

Список литературы:

1. Белозеров В.К. Смотри, слушай и удивляйся: Вооруженным силам нужна программа информационного обеспечения // Независимое военное обозрение. 2012. №32 (726).
2. Боевики пытались убить принца Гарри // ДНИ.РУ. 16.09.2012. URL: www.dni.ru/incidents/2012/9/16/240555.html (08.06.2013).
3. В Германии разрешили карикатуры Мухаммеда // ДНИ.РУ. 17.08.2012. URL: www.dni.ru/society/2012/8/17/239067.html (08.06.2013).
4. Пашенцев Е.Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация. М., 2012.
5. Соснин В.А. Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М., 2012.
6. Улмер Р., Селлнау Т., Сиджер М. Эффективная кризисная коммуникация. Харьков, 2011.
7. Шаклеина Т.А. Новый «крестовый поход» республиканцев: как появилась доктрина Буша // Международные процессы. URL: www.intertrends.ru/three/017.htm (08.06.2013).
8. Crelinsten R. Counterterrorism. Cambridge, 2009.
9. Harmony and Disharmony. Exploiting al-Qa'ida's Organizational Vulnerabilities. Combating Terrorism Center, Department of Social Sciences, United States Military Academy. February 14, 2006.
10. Harry says sorry for Nazi costume. Prince Harry has apologised for wearing a swastika armband to a friend's fancy dress party // BBC News. 13.01.2005. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/4170083.stm (08.06.2013).
11. Koraeus M. Who Knows? The Use of Knowledge Management in Crisis. Elanders, Vällingby, 2008.
12. McKinley M. Explaining the Rejection of Data and Intelligence in the Information Age:

²⁶ Белозеров В.К. Смотри, слушай и удивляйся: Вооруженным силам нужна программа информационного обеспечения // Независимое военное обозрение. 2012. № 32 (726).

The Case for Aquinas' Ignorantia Affectata (Cultivated Ignorance). Paper presented to the Panel WD 53 Information Availability as Surplus Data, Noise, and 'Junk DNA': Accounting for Its Denials and Acceptance. 53rd Annual Convention, The International Studies Association. San Diego, California, USA, 4 April 2012.

13. *McKinley M.* Filtering IR: What Students Should Be Taught at University and Why it Won't Be — The Case of International Terrorism. Paper presented at the Central and East European Studies Association (CEEISA) 9th Convention. Jagiellonian University, Krakow, Poland. 21 September 2012.

14. *Pashentsev E.N.* The Strategic Communication of Russia in Latin America Under the Global Crisis. Paper presented at the Central and East European Studies Association (CEEISA) 9th Convention. Jagiellonian University, Krakow, Poland. 21 September 2012.

15. *Robinson G. E.* Jihadi Information Strategy // Information Strategy and Warfare: A Guide to Theory and Practice / ed. by J. Arquilla, D.A. Borer. New York, 2007.

16. *Seib Ph., Janbek D. M.* Global Terrorism and New Media. The Post-Al Qaeda Generation. Abingdon, 2010.

17. The Handbook of Crisis Communication / ed. by W.T. Coombs and S.J. Holladay. Southern Gate, UK, 2010.